

fanzon

**КНИГИ РОБЕРТА Э. ХАЙНЛАЙНА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ FANZON**

«Погоня за панкерой»

«Ворчание из могилы»

Robert A. Heinlein

THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Роберт Хайнлайн

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X15

Robert A. Heinlein
THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Copyright © 2020 by The Robert A.
and Virginia Heinlein Prize Trust.
Cover © 2021 by Stephan Martiniere. All Rights Reserved.

Иллюстрация на суперобложке и переплете
Стефана Мартинье

Литературный редактор *С. В. Голд*

Хайнлайн, Роберт.
X15 Погоня за панкерой / Роберт Хайнлайн ; [перевод
с английского Д. Казакова]. — Москва : Эксмо, 2022. —
640 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-122891-0

Впервые на русском языке публикуется роман классика научной фантастики Роберта Хайнлайна «Погоня за панкерой». Земля под угрозой инопланетного вторжения. Только четыре человека знают об этом и могут предотвратить трагедию. Но герои попадают в ловушку зловещих инопланетян, и у них остается единственный способ уйти от погони — покинуть этот план бытия на своей космической яхте и оказаться в параллельных вселенных, созданных талантливыми фантастами Эдгаром Райсом Берроузом, Фрэнком Баумом и отцом космической оперы Э. Э. «Доком» Смитом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-122891-0

© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

— ПРЕДИСЛОВИЕ —

Мне был задан вопрос: «Как на вас повлиял Роберт Хайнлайн?» Это, как говорится, наводящий вопрос, и я на самом деле сомневаюсь, что найдется хоть один честный писатель-фантаст, который может заявить, что Хайнлайн *не* оказал на него никакого влияния. Иногда — вынуждая становиться в оппозицию к его самым противоречивым взглядам на такие вещи, как инцест, или задаваться вопросом, как он мог придумывать таких прекрасных героинь и в то же время держаться таких «стереотипных» взглядов на женщин. А иногда — получая вдохновение, стилистическое или философское, которое необходимо писателю для работы. «Бесплатных завтраков не бывает»¹, «Заплати вперед»², «Грок»³ — все это, как и многое другое, созданное Хайнлайном, стало кирпичиками, из которых мы складываем наши тексты, называем ли мы их «спекулятивной фантастикой»⁴ или «научной фантастикой». Мы все еще слышим

¹ Это американское крылатое выражение в виде акронима TANSTAAFL Хайнлайн популяризовал в романе «Луна — суровая хозяйка». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² *Pay It Forward* — фраза из романа Р. Хайнлайна 1951 года «Между планетами». Ее использовала в качестве названия своей книги в 1999 году К. Хайд. Экранизация книги Хайд в 2000 году породила интернациональное благотворительное движение «Pay It Forward». — *Прим. С. В. Голд.*

³ Слово «Грок» изобретено Хайнлайном для романа «Чужак в стране чужой».

⁴ *Speculative fiction* — Хайнлайн предпочитал именно это определение собственного творчества, оно гораздо шире собственно НФ, поскольку охватывает более широкую предметную область, включая социологию, психологию и т. п. и вместе с тем заметно уже «просто фантастики», т. к. подразумевает использование научного метода мышления при конструировании миров или ситуаций. — *Прим. С. В. Голд.*

эхо его слов, отражение этого эха, и оно продолжает нас вдохновлять.

Но если свести вопрос к тому, как Роберт Хайнлайн повлиял именно на меня, то часть ответа будет абсурдно простой: он ввел меня в мир научной фантастики в очень раннем возрасте, он оставался рядом в школе, колледже и даже после. «Имею скафандр — готов путешествовать», «Астронавт Джонс», «Ракетный корабль Галилей», «Космический кадет», «Звездный зверь», «Кукловоды», «Марсианка Подкейн», «Пасынки Вселенной», «Двойная звезда», «Гражданин галактики», «Луна — суровая хозяйка», «Дорога славы», «Чужак в стране чужой»... это только романы, и то не все, и этого перечня достаточно, чтобы объяснить, почему все так случилось. Мне очень не нравится, когда люди спрашивают, «какой писатель-фантаст повлиял на вас сильнее всего?», поскольку любой писатель-фантаст, которого я читал, повлиял на меня так или иначе, и конкретное имя в данный конкретный момент зависит от того, над какой историей я сейчас работаю. Однако я точно могу сказать, что Большая Четверка для меня — Хайнлайн, Пол Андерсон, Спрэг де Камп и Генри Бим Пайпер, и я непременно должен упомянуть еще дюжину имен, в числе которых Андрэ Нортон, Энн Маккеффри, Кейт Лаумер и Патриция Маккиллип. Речь не обязательно идет о стилистике, скорее, о ремесле в целом. Но всякий раз, когда мне приходится составлять список повлиявших на меня авторов, первым неизменно оказывается Хайнлайн.

Вероятно, потому, что я встретился с ним в очень раннем возрасте... хотя первым писателем-фантастом в моей жизни стал Джек Уильямсон, за которым последовали Де Камп и Питер Шуйлер Миллер — вперед, к «Genus Homo»¹! Вероятно, потому, что на меня очень рано и очень сильно повлиял язык его письма и тот факт, что он помог мне понять, чем занимается научная фантастика, да и само человечество как таковое. Хайнлайн был невероятно красноречивым оратором, когда дело доходило до его воззрений, и он не боялся менять эти воззрения (или *отказываться* их менять), и все же он никогда не злоупотреблял этим в ущерб своим историям. Он писал мускулистую прозу. Он очень тщательно выбирал глаголы. Он не боялся разговорного языка. Он знал, как создавать целые миры с помощью мозаики деталей, встроенных в стены его

¹ Роман, написанный Миллером и Де Кампом в соавторстве.

историй. И он знал, как показать компетентного персонажа, столкнувшегося с проблемами, и в то же время уметь донести ощущение чуда, восторга перед масштабом и размером вселенной, в которой обнаружились эти проблемы. И в своих произведениях для юношества он проявил экстраординарную способность донести эти вещи до юных читателей.

Я обнаружил большую глубину в его историях после того, как сам повзрослел, но это потому, что я *осознал* само наличие этой глубины, а не потому, что ее там не было. Помню свою реакцию на Сэма из романа «Астронавт Джонс». Первый раз, когда я читал книгу, я признал в нем наставника, хорошего взрослого, и я видел в его гибели героический поступок. Но я упустил глубину смысла, заключенного в эпитафии «Он съел то, что было предложено ему¹». Это был весь Хайнлайн в двух словах: ответственное человеческое существо, компетентное человеческое существо, человеческое существо, которое знает, как отважно умереть, столкнувшись с ситуацией, когда надо спасать женщин и детей. Не потому, что считает себя героем, нет, всего лишь потому, что *так поступают* ответственные люди. Сэм ли это, Подкейн, «Кип» Рассел, Пиви, Мэмми², лейтенант Далквист, Лазарус Лонг и «Логарифмическая линейка» Либби, или «Мэнни» О'Кэлли-Дэвис и Майк, его протагонисты есть то, что они есть, и они всегда делают то, что *сами* считают правильным.

Ребенком-читателем я на самом деле не осознавал ни социально противоречивые аспекты текстов Хайнлайна, ни то искусство, с которым он вставлял упоминания о них. Он был, конечно, продуктом своего времени — он всего на семь лет моложе, чем моя бабушка, — и это видно, особенно в некоторых его темах и, вероятно, в характеристиках его героинь, которые читателю двадцать первого века могут показаться невероятно стереотипными. Учитывая, что ему было семь лет, когда началась Первая мировая (эхо Вудро Вильсона Смита, кто-нибудь подумал об этом?), на самом деле должно удивлять то, насколько часто он *избегал* стереотипов. Его оппозиция расизму была жесткой и в то же время тонкой, он, как и Пайпер, сумел перейти от женщин как элементов реквизита к женщинам как полноценным

¹ Отсылка к Евангелию от Луки, 10:8: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат».

² *Mother Thing* — «Материнское Создание», она же Мамми, Материния и т. п. Галактический коп из романа «Имею скафандр — готов путешествовать». — *Прим. С. В. Голд.*

характерам. Иногда они брали фальшивые ноты, но Хайнлайн не комплексовал по этому поводу. Он всегда был готов встретить стрелы и камни, летящие в него за истории, в которых он рассказывал о том, что *сам* считал необходимым рассказать. Несомненно, ему польстили бы эти камни и стрелы — ведь шрамы от них он воспринимал как знаки чести — если бы ему не приходилось так часто иметь дело с редакторским упорством. Я пришел к мнению, что «Подкейн» в том виде, в каком она была опубликована, — хорошая, сильная история; однако измененная концовка слегка изменила всю историю, которую хотел рассказать *Хайнлайн*. Я думаю, что, если бы ему позволили напечатать оригинальную рукопись, читатели легче бы распознали предостережение, которое автор имел в виду, когда писал роман.

Несмотря на вполне заслуженные похвалы, которые получили в свой адрес «Чужак в стране чужой» и «Луна — суровая хозяйка», и, несмотря на мою особую любовь ко второму из этих текстов, я искренне считаю, что величайшим вкладом Хайнлайна в эту область стали его произведения для подростков. Он отказывался писать «упрощенно» для подростков. Читатели Хайнлайна были *молоды*, но он не относился к ним как к младенцам, и он бросал им вызов, поднимая чертовски взрослые темы. Но в первую очередь он насыщал свои тексты ощущением чуда и концепцией — *верой*, — что будущее — это то, что мы создаем по своему выбору. Оно будет таким, каким его сделаем мы, человеческие существа, когда достигнем его, вынырнем его и будем защищать. Поколения астронавтов, ученых, изобретателей — и писателей — подвергались воздействию этого ощущения и этой веры. Хайнлайн был их проводником, беспардонным, иногда едким, иногда забавным, но всегда интересным. Часто он выступал в роли наставника.

И его книги остаются в печати сегодня, через тридцать лет после его смерти, поскольку он *все еще играет эту роль*. Конечно, наука меняется, общества проходят через эволюцию и революции, и мы добрались до мест, которых даже Роберт Хайнлайн не мог предвидеть, когда писал «Линию жизни»¹ в 1939-м. Все это невозможно отрицать. Однако Хайнлайна продолжают читать сегодня, поскольку он все тот же беспардонный *Хайнлайн*.

И, черт побери, этот человек умел писать.

Дэвид Вебер

¹ Дебютный рассказ Хайнлайна.

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

Уолтеру и Мэрион Минтон

Зебадия

— Он — Безумный Ученый, а я — его Прекрасная Дочь. Именно так она и сказала: древнейшее клише из палп-фикшн, хотя она была слишком молода, чтобы помнить палп.

Когда кто-то говорит глупость, лучше сделать вид, что ты ее не слышал. Я продолжил вальсировать, не забыв бросить очередной взгляд в декольте ее вечернего платья. Отличный вид. Никаких вкладок.

Она умела вальсировать. Сейчас большинство девушек, прикоснувшихся к миру бальных танцев, вешаются тебе на шею и ожидают, что ты будешь таскать их по паркету. Она уверенно держалась на собственных ногах, танцевала близко, но не прижималась, и знала, что я собираюсь сделать, за долю секунды до того, как я приступал к исполнению. Идеальная партнерша.

— Ну? — в голосе ее прозвучала настойчивость.

Мой дед по отцовской линии, неприглядный старый реакционер, фем-либералки его бы с удовольствием линчевали, обычно говорил: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы надели на них туфли или научили их читать... мы не должны были учить их говорить!»

Я намекнул на вращение легким давлением; она отплыла, кружась, и вернулась в мои руки точно в такт. Я глянул на ее руки и внешние уголки глаз. Да, она на самом деле молода — минимум восемнадцать; Хильда Корнерс никогда бы не позволила «ребенку» по документам оказаться на своей вечеринке... максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. И все же танцевала так, как умело только поколение ее бабушек.

— Ну? — повторила она еще более настойчиво.

— Ключевые символы высказывания «безумный», «ученый», «прекрасная» и «дочь». Первый имеет несколько значений, а остальные обозначают субъективную оценку. Семантическое содержание высказывания: ноль.

Она не рассердилась — скорее, задумалась.

— Папа не страдает бешенством... хотя, называя его «безумным», я действительно имела в виду двусмысленное значение. Соглашусь, что «ученый» и «прекрасная» содержат субъективную оценку. Но разве мой пол может вызывать сомнения? А если и так, то хватит ли у вас квалификации проверить у меня наличие двадцать третьей пары хромосом? Транссексуальная хирургия сейчас в моде, и менее радикальные методы вас не удовлетворят, я полагаю?

— Я предпочел бы полевые испытания.

— Прямо *здесь*, в танцевальном зале?

— Нет, в кустах за бассейном. И да, я квалифицирован — как для лабораторных, так и для полевых исследований. Однако вовсе не ваш пол находится в области субъективной оценки... этот факт может быть точно установлен... вот эти два весомых доказательства выглядят очень убедительно. Я...

— Девяносто пять сантиметров не так много! По крайней мере, для моего роста. Метр семьдесят босиком и метр восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня осиная талия: сорок восемь сантиметров, хотя вешу я пятьдесят девять кило.

— А еще у вас собственные зубы и нет перхоти. Расслабьтесь, Диди, я не собираюсь покушаться на вашу гордость. Однако символ «дочь» включает два утверждения: одно фактическое — пол, а второе — предмет субъективной оценки, даже когда оно подтверждено криминалистом-генетогематологом.

— Ух ты, какие длинные слова вы знаете, мистер! Я хотела сказать, «доктор».

— «Мистера» вполне достаточно. В этом кампусе у каждой собаки докторская степень. Даже у меня есть «д. ф.»¹. Знаете, что это значит?

¹ *Доктор философии* — весьма расплывчатая ученая степень, присваиваемая в США. Примерно соответствует кандидату наук в РФ. — *Прим. С. В. Голд.*

— Кто же этого не знает? У меня тоже «д.ф.». «Доказавший Фигню».

Я быстренько переоценил ее возраст, подняв во втором приближении до двадцати шести.

— «Ф» — надо полагать, «Физическое воспитание»?

— Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Я специализировалась по двум направлениям, и одним из них действительно было физвоспитание, просто на случай, если мне понадобится работа. Но моей основной специальностью была математика, и именно ей я занималась в аспирантуре.

— А я был готов предположить, что «Ди-Ти» означает «Доктор Теологии».

— Вымойте рот с мылом, мистер. Мое прозвище всего лишь мои инициалы — Ди Ти. Доктор Д. Т. Берроуз, если быть формальной, поскольку я не могу быть «мистером» и отказываюсь быть «миз»¹ или «мисс». Вот что, мистер, я полагала, что привлекку вас своей ослепительной красотой, потом поймаю на крючок женского обаяния... но что-то пошло не так. Попробуем другой способ. Расскажите мне, какую именно фигню вы доказали.

— Дайте подумать. Что же это было? Рыбная ловля нахлыстом? Или плетение корзин? В общем, какая-то междисциплинарная тема, такие диссертации никто не читает, ученый совет на защите просто взвешивает их на весах, и все. Вот что я вам скажу. У меня где-то в архивах есть ее экземпляр. Я при случае разыщу его и посмотрю, как ее назвал тот парнишка, который ее написал.

— Можете не беспокоиться. Она называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я прекратил вальсировать.

— Ох. Ему бы лучше обсудить эту работу с тем парнем, который ее написал.

— Чепуха. Я видела, как вы моргнули, — вы попались. Папа хочет обсудить ее, а затем предложить вам работу.

¹ *Миз* — нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». — *Прим. С. В. Голд.*